

INSPIRIA

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, МАМА

18+

МОИ РОДИТЕЛИ – МАНЬЯКИ
ФРЕД И РОЗМАРИ УЭСТ

МЭЙ УЭСТ

INSPIRIA

Нил Маккей
Мэй Уэст
Люблю тебя, мама. Мои
родители – маньяки
Фред и Розмари Уэст
Серия «Ток. True Crime Story. Главный
документальный триллер года»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67919456*

*Люблю тебя, мама. Мои родители – маньяки Фред и Розмари Уэст:
Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-172533-4*

Аннотация

Реальная история дочери знаменитых британских маньяков Фреда и Розмари Уэстов – о жизни в «доме ужасов», где происходили растление, насилие и убийства.

Что делать и как жить, когда твои мама и папа – серийные убийцы, знаменитые на всю страну? Мэй Уэст знает это с самого детства. Ее родители насиловали, убивали и затем расчлняли молодых женщин в своем доме по адресу Лондон, Кромвель-стрит, 25. Садистские наклонности супругов Уэст

не ограничивались посторонними жертвами: абьюзу и насилию подвергались их собственные дети. А затем произошло самое страшное: исчезла старшая дочь Хезер. И оказалось, что убили ее мама и папа...

На основе собственных воспоминаний и тюремных писем матери, Мэй Уэст рассказывает свою историю взросления в «доме ужасов». Каково это, когда твоя детская спальня в подвале – самое настоящее кладбище? Как принять тот факт, что твои родители жестоко убивают людей? Что твоя мама – монстр, а отец тебя сексуально домогается? И почему именно тебе, в отличие от любимой старшей сестры, повезло спастись? Невероятная и трагичная история Мэй Уэст – это история выживания и борьбы с травмой длиною в жизнь.

«Читая книгу, хочется просто ворваться в этот подвал, обнять эту девочку и сказать ей, что с этого момента все будет хорошо. На каждой странице возникает желание спасти детей от того ужасного кошмара, в котором они жили каждый божий день. Ужасная, но эмоциональная история абсолютного страдания...»

– *Vocal*

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Пролог	7
Глава 1	18
Глава 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Мэй Уэст, Нил Маккей Люблю тебя, мама Мои родители – маньяки Фред И Розмари Уэст

Эта книга описывает физическое и сексуальное насилие, пытки и другие сцены, которые могут расстроить читателя. Некоторые имена в книге изменены, чтобы сохранить право этих людей на частную жизнь.

Мэй Уэст – самая старшая из выживших дочерей Фреда и Розмари Уэст.

Эта книга – ее история.

Mae West, Neil McKay

Love as Always, Mum xxx: The true and terrible story of surviving a childhood with Fred and Rose West

*** * ***

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также

использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Text © Mae West with Neil McKay 2018

© Гурин О.П., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Пролог

Клеймо

Королевская даремская тюрьма

Хочу, чтобы ты знала – ты можешь рассказывать мне обо всем, о чем хочешь. Ты наверняка порой чувствуешь себя очень плохо и одиноко. Понимаю тебя. Я скучаю по тебе так сильно, что иногда даже злюсь. Должно быть, очень гадко, когда рядом нет родного человека, чтобы поговорить, нет мамы, чтобы высказать ей все, что на душе... Я люблю тебя и хочу сделать все возможное, чтобы ты поскорее пережила все это и стала как можно счастливее!!!

Люблю тебя,

мама

Январь 1996 года. Я была беременна, почти на девятом месяце. Все, что я знала наверняка, показал результат УЗИ на двадцатой неделе – это девочка. Все остальное мне было неведомо. Конечно, многие женщины нервничают перед рождением своего первого ребенка. Вот и мне тоже приходили на ум самые разные тревожные вопросы. Родится ли малышка вовремя, припозднится или появится раньше? Насколько это больно? Какие будут сложности? Что я почув-

ствую, когда увижу новорожденную впервые? Сразу ли полюблю ее, или на это потребуется какое-то время? Стану ли я хорошей матерью с годами? Будет ли дочка любить меня? Думаю, что в этот период многие женщины обращаются к своим матерям за советом и поддержкой. А может, кто-то из них даже просит маму присутствовать с ней во время родов.

Но я знала, что для меня все это недостижимо, потому что моей мамой была Роуз Уэст.

Тогда, всего два месяца назад, в ноябре 1995-го, ее обвинили в убийстве девяти девушек и маленькой девочки, а суд над ней и ее мужем стал одним из самых скандальных в истории преступлений. Одной из убитых была моя сестра Хезер. Моя мама была приговорена к пожизненному заключению, и судья сказал, что ее никогда не выпустят на свободу.

По мнению многих людей, она была самой ужасной женщиной в мире.

После того как мою маму признали виновной, я решила порвать все связи с городом Глостер, где росла в доме номер 25 на Кромвель-стрит и где моя мама с папой по имени Фред Уэст совершали все эти преступления. Мне нужно было начать новую жизнь вместе с ребенком в новом городе, подальше от душераздирающих воспоминаний детства; там, где ужасная слава Фреда и Роуз Уэст не будет преследовать нас по пятам. По многим причинам, о которых я еще расскажу, оставалось не так-то много времени, чтобы все тщатель-

но спланировать или продумать, как и куда переезжать. Но я знала, что должна попытаться. Мы с моей сводной сестрой Тарой и ее маленьким сыном Натаном перестали снимать дом с тремя спальнями в двадцати пяти милях от мест моего детства. Таре было девятнадцать, мне двадцать три. Мы никого не знали и не могли допустить, чтобы кто-то выяснил, кем мы являемся на самом деле, а поэтому старались жить незаметно. Я и Тара могли рассчитывать только друг на друга. Когда она выходила из дома, мне становилось очень беспокоюще. Непривычный шум в трубах или у соседней квартиры заставлял мое сердце биться быстрее. Я то и дело поглядывала на входную дверь, пока ждала, когда вернется Тара. Изредка мы выходили из дома вместе, попить чаю в кафе, и тогда я изо всех сил старалась сесть там, где меня не заметят, а также всегда отмечала, где дверь, чтобы быстро выбежать, если нас вдруг узнают. В этом городе мы с Тарой были совершенно одни, но это, по крайней мере, означало, что у нас был шанс избежать внимания журналистов.

Срок уже подходил, а малышка стала ворочаться меньше обычного, и это очень меня встревожило. Я совершенно не знала, должно быть так или нет. Это всего лишь одна из мелочей, про которую мне стоило узнать от мамы, если бы она была рядом со мной, – в конце концов, она родила восьмерых. Но, разумеется, я не могла спросить ее совета, а Тара хоть и родила, но все-таки была совсем молодой и не очень опытной мамой. Так что я позвонила в больницу – централь-

ную в Челтнеме – и меня попросили прийти на осмотр.

Больница производила мрачное, гнетущее впечатление. Ее серый каменный фасад и огромные окна выглядели так, словно это психиатрическая лечебница, но там было чисто, и что самое главное, она находилась не в Глостере. Я не хотела, чтобы в документах этот город значился как место рождения моей дочери.

Примерно через день после осмотра врачи сказали, что все в норме и роды должны начаться уже со дня на день. Тара пришла навестить меня. Когда мы росли, то держались вместе, чтобы пережить приставания папы и жестокость мамы, так что рядом с ней я чувствовала хорошо знакомый мне комфорт. Я тоже была рядом, когда она рожала Натана, и сейчас радовалась ее ответной поддержке. Однако мне все еще было страшно. Мама всегда рассказывала о родах, как о чем-то несложном, описывала их так сухо и прямо, будто это раз плюнуть. Ни разу она не говорила о боли и сложностях.

Я помню, что на первичном осмотре слова акушерки прозвучали неутешительно.

– Рано вам пока в родильную палату, – небрежно сказала она, будто я мешала ей работать.

– Почему?

– Раскрытие всего два сантиметра. А должно быть как минимум пять.

Она вела себя строго и неприветливо, а может, я была вся на нервах – да и других причин было полно, – но это ме-

ня неприятно впечатлило. Слава богу, меня поддерживала Тара. Мы вместе ждали продолжения родов, пока наконец раскрытие не достигло пяти сантиметров, и акушерка не согласилась отвезти нас в родильную палату. Боль была невыносимой, но после эпидуральной анестезии она утихла, и я просто лежала там, в этой крохотной комнате, разговаривая с Тарой. И ждала. Однако прошло тридцать часов с начала родов, но малышка не торопилась родиться. Я очень устала. Я недоумевала, как мама могла пройти через это целых восемь раз. Мне казалось, я делаю что-то неправильно. А когда в нашей с Тарой беседе наступала пауза, я замечала, что мечтаю о том, чтобы Хезер тоже была сейчас со мной.

Наконец врач и акушерка сказали, что раскрытие полное, и можно начинать тужиться. Я так и поступила. Я тужилась и тужилась, пока не стала чувствовать, что лицо мое посинело, а кровеносные сосуды в глазах готовы лопнуть. А моя дочь все не рождалась. Наконец они сказали, что собираются сделать мне кесарево сечение. Я совершенно упала духом и пыталась не разреветься. Я сказала им, что не хочу кесарево, пусть роды пройдут нормально. Причину этого желания сказать я им не могла – в моей жизни произошло так много ужасного, что я была совершенно не уверена в себе как в будущей матери. А потому родить моего ребенка тем же образом, как рожают нормальные матери, для меня было очень важно.

Как бы то ни было, они не особенно обратили внимания

на мои возражения. Акушерка дала мне таблетки и сказала, что их нужно принять перед тем, как начать кесарево сечение. Но затем молодой врач, видя мое беспокойство, сказал, что можно дать классическим родам еще один шанс с помощью вакуум-экстрактора – это приспособление, которое присасывается к голове плода и помогает вытянуть его наружу. Мне сделали еще один укол эпидуральной анестезии, и часть кровати оказалась скрытой от меня. Я слышала, как включилось устройство, как работает врач, а затем – после всего этого ужаса и боли – за какие-то секунды она родилась. Краснолицая, пухленькая, чудесная моя девочка. Ее положили мне на живот – она казалась такой крошечной и в то же время такой тяжелой.

Я посмотрела на нее и подумала: «Наконец-то, ну вот и она. Это моя малышка, буду любить ее и беречь». Тара плакала. «Это самый прекрасный ребенок, которого я только видела», – сказала она. Я была совершенно измучена, вокруг гудела куча приборов, из моей руки торчали трубки, но все это было не зря. Она появилась на свет. Моя дочка Эми.

Одна из акушерок взвесила ее – 3,345 килограмма. У нее было по десять пальчиков на руках и ногах, она была полностью здорова, все было в норме, за исключением шишкообразной головы из-за вакуум-экстрактора, но мне сказали, что ее форма восстановится в течение нескольких дней. Меня помыли, и затем мы обе переместились в отделение с другими мамами и новорожденными. Было уже далеко за пол-

день, и Тара выглядела вымотанной не меньше, чем я. На всем этом пути она была моей защитой и опорой. Я сказала, чтобы она отправилась домой и отдохнула.

Я все еще не чувствовала ног после анестезии. Посреди ночи я попыталась встать с кровати, но упала на пол и ушибла спину. Это так хорошо меня характеризовало – я думала, что могу вести себя как обычно, хотя мне еще нужно было восстановиться. Я села на холодный линолеум и оглядела непривычную для меня обстановку: яркие лампы дневного света из коридора, другие кровати со спящими матерями, такими же девочками с новорожденными, как я, но совсем на меня не похожими. Я снова села в кровать, и после ухода Тары те чувства, которые я старалась сдерживать, вдруг нахлынули изнутри, сдавили мне горло и грудь, и на миг я подумала, что сейчас заплачу.

Тогда я посмотрела на чистую пластмассовую кроватку рядом со мной – Эми спала. Она была такая маленькая, беззащитная. Я легла и стала просто смотреть на нее, как ходит вверх-вниз ее крошечная грудная клетка. Оттого, что она казалась такой довольной и мирной, я и сама стала успокаиваться. Я снова думала: «Вот моя девочка – в моей жизни есть та, кому я могу дарить любовь и получать любовь взамен», – и в этой мысли было какое-то волшебство. Однако, несмотря на все это, я не могла отогнать и другую мысль: «Вот бы мама увидела ее». Наконец я заснула.

Следующий день выдался непростым. Казалось, ко всем

мамам вокруг меня приходили бесчисленные посетители – с шариками, цветами и открытками. Когда ко мне пришла Тара, я очень обрадовалась. Я чувствовала себя больной, раздраженной, уставшей. После эпидуральной анестезии я начала отекать, ноги мои распухли, я плоховато двигалась, но старалась показать акушеркам, что способна справляться со всем, что требуется Эми. Сейчас родильные отделения выписывают всех как можно скорее, но раньше новоиспеченную мать выписывали, только когда она сможет самостоятельно ухаживать за младенцем. И в том числе мне нужно было уметь правильно приготовить бутылочку.

– Вы делали это раньше? – спросила меня акушерка.

– Много раз, – ответила я.

– Но это же ваш первый ребенок, верно?

– У меня большая семья. Я все это делала, когда ухаживала за своими младшими братьями и сестрами.

Я почувствовала, что краснею – внезапно я поняла, что могу проговориться о многом, если она станет расспрашивать меня о семье дальше.

Но она не стала, просто велела показать, как я это делаю.

Она стояла и смотрела, как я готовлю бутылочку молочной смеси, а потом сказала, что я умею это делать и что это хорошо.

Правда, из-за отека меня еще не были готовы выписать, и я вернулась в отделение. Другая акушерка зашла спросить, хочу ли я почитать журнал, пока Эми спит. Я с благодар-

ностью согласилась, и через пару минут она принесла номер «Космополитан». Я начала листать его – там были диеты после Рождества, советы по укладке волос, и тут, к моему ужасу, на одном из разворотов оказалась статья о женщинах-убийцах. Одной из этих женщин была моя мама. Я попыталась отвести глаза, но не смогла: я поймала себя на том, что не просто проглядываю статью, а читаю обо всех преступлениях, которые совершила моя мама, о ее жизни с папой, о найденных телах девяти девушек, которых изнасиловали, расчленили и похоронили в «Доме ужасов» – так называли дом номер 25 на Кромвель-стрит, где я выросла и где год назад мой папа покончил с собой.

Мне стало плохо. Понимание того, что я никогда не смогу убежать от всего этого, стало во мне нарастать, и я почувствовала себя разбитой и беспомощной. Тогда я стала думать, а вдруг акушерка специально дала мне этот журнал? Вдруг она догадалась, кто я? Мне это показалось вполне правдоподобным – мои записи в родильном отделении были сделаны под другим именем, однако сотрудники могли получить доступ к старым записям в общей карте и выяснить, что я дочь Фреда и Розмари Уэст. Могли они дать мне этот журнал, просто чтобы таким образом жестоко пошутить?

В глубине души я понимала, что это вряд ли может быть правдой, но не могла отбросить до конца подозрение в том, что это так и есть. Я пыталась убедить себя в том, что это чистое совпадение, но у меня было чувство, будто сотрудни-

ки отделения следят за мной. Одна из акушерок велела мне, чтобы Эми чаще находилась в положении лежа из-за мокроты в груди. Тем же вечером ко мне заглянула Тара и захотела ненадолго обнять Эми. Она подняла малышку с кровати, но акушерка увидела это и подошла к нам.

– Я же сказала, что она должна лежать, – рывкнула она и отобрала Эми у Тары.

– Я хотела поддержать ее всего минутку! – расстроено ответила Тара.

– Она моя сестра, пусть поддержит, – сказала я.

Однако акушерка стояла на своем.

– Мне все равно, кто она. Вы мать и должны делать то, что лучше для ребенка!

Эта акушерка не могла знать, насколько я была уязвима перед подобными словами. Они прозвучали мерзко и униЗИтельно, они легко могли лишить меня и без того небольшой уверенности в том, что я буду хорошей мамой для Эми. В больнице ко мне не проявляли теплоты с самого начала, а тут мне стало казаться, что вообще все настроены против меня. Все, чего я хотела, – это забрать Эми и убежать отсюда.

В конце концов, в воскресенье меня выписали. Тогда я уже не была в отношениях с отцом Эми, но он проделал путь из Эссекса, чтобы увидеть ее и привез новенькое детское сиденье, чтобы мы смогли забрать Эми домой.

И вот наконец я была в своем новом доме с новорожденной дочерью и вопреки всему надеялась, что мы с ней на-

чинаем новую жизнь, хотя и боялась, что моя старая жизнь теперь будет преследовать меня всегда, что мне никогда не удастся избавиться от клейма дочери Фреда и Роуз Уэст. А даже если и удастся, если получится стереть из памяти отца, отстраниться от мамы, все равно мне будет чего-то не хватать — это чувство потери, пустоты в том месте, которое должна была занимать Хезер. А глубоко внутри эхом отдавался вопрос, на который я никогда не смогу найти ответа: почему выжила именно я? Почему только мне повезло родить своего чудесного ребенка, а не ей?

Глава 1

Внутри кошмара

Сегодня среда, и пришло очередное письмо от мамы. Она хочет, чтобы наша с ней жизнь стала легче, и просит меня задавать ей вопросы, на которые я больше всего хочу получить ответ. Я не знаю, с чего и начать. Как много ты знала? Сколько всего ты сделала? Я хочу узнать правду, но не знаю, как подступиться к этому разговору, и даже не знаю, поверю ли я маминым ответам. Я чувствую себя совершенно одинокой, и она знает об этом...

Королевская даремская тюрьма

Должно быть, в твоей голове роятся тысячи разных мыслей, поэтому прошу, моя дорогая девочка, помни, я
С ТОБОЙ!

*Люблю тебя,
мама*

Тогда, 24 февраля 1994 года, когда прибыли полицейские с ордером на обыск нашего дома в попытках найти тело моей сестры Хезер, я словно попала внутрь кошмара. Мой отец Фред Уэст был арестован, наш дом разобран, сад перекопан, из земли начали извлекать останки жертв, а нас с ма-

мой (и, конечно, с моим братом Стивом) поселили в нескольких «временных домах», предоставленных полицией. Сказать, что я была в шоке, — это не сказать ничего о том, в каком я находилась состоянии. Даже несмотря на свое довольно странное и чрезмерно жестокое воспитание, я и понятия не имела о том, что мой отец, а позже, с чем мне пришлось смириться, и моя мать, виновны в тяжких убийствах. Хотя как-то подготовиться к такому открытию просто невозможно. Я онемела, это все как будто происходило с кем-то другим, хотя и понимала, что это неправда. Я знала, что это моя жизнь, и в ней теперь уже ничего не будет как прежде.

Наша семья всегда была очень закрытой. «То, что происходит в этом доме, — это наше дело и больше ничье!» — говорила мама. Мы практически ни с кем не общались за пределами семьи, и это полностью устраивало маму и папу, которым никто не мог помешать. И вдруг наш дом оказался в центре внимания всей страны. Его буквально растащили на части — каждая полка, ящик и шкаф были обысканы и разобраны, каждая половица была вскрыта, все наши воспоминания стали уликами. А я в это время отчаянно пыталась уцепиться за чувство реальности, чтобы хоть немного разобраться в том, что происходит.

В последующие дни, когда было найдено тело моей сестры Хезер и других девушек, мне было трудно принять, что папа был виновен во всем том, что с ними случилось. Сложно четко отделить друг от друга две грани папиного характе-

ра – он был не так жесток, как мама, и даже иногда защищал нас, когда она нападала на нас вне себя от ярости. Но у него были свои странности, мы знали, что его интересует что-то мрачное и даже жуткое, и в конце концов каждый из нас, его детей, задавался вопросом, на что вообще способен пойти папа. Тогда это еще не было тем открытием, которое позже повергло нас в шок, – его серийные убийства, совершенные именно так и в таком количестве, выходившие далеко за пределы того, что мы могли себе вообразить. И все же, когда стали выясняться подробности этих убийств, – сексуальное насилие над теми девушками перед смертью, расчленение их тел, погребение в доме и под домом, где мы играли и росли, тогда и после этого я ни разу не теряла уверенности в том, что папа виновен. Оглядываясь в прошлое, я понимаю, что это была одна из тех вещей, которые помогли мне хотя бы немного сохранить рассудок.

С мамой было по-другому. Хотя полицейские с самого начала относились к ней как к подозреваемой, прошло какое-то время, прежде чем она была официально арестована и допрошена. А когда это все-таки случилось – и даже когда затем она предстала перед судом, – не было обнаружено никаких прямых данных экспертизы или свидетельских показаний против нее. Решения о виновности или невиновности мамы всегда принимались скорее на основе мнений и суждений на основе ее характера – или предположений о том, что она была способна сделать, – а не на основе конкретных

доказательств. Она последовательно отрицала, что знает об этих убийствах, и винила во всем отца, отчасти она заявляет об этом до сих пор.

– Вот сраный урод, я без того настрадалась от него за все эти годы! Так еще теперь и это! Мэй, я просто не могу поверить!

Она всегда была остра на язык и безжалостна в своем гневе к нему. Ни на секунду она не сомневалась в том, что я ей доверяю. Она обладала мощной эмоциональной властью надо мной и прекрасно понимала, что делает. Когда я была маленькой, она часто теряла над собой контроль и била меня, моих братьев и сестер либо срывала гнев на чем-то, что попадется ей под руку. Правда, когда я выросла, уже ближе к моему двадцатилетию, она привыкла все больше откровенно говорить со мной: о своем неблагополучном детстве, своей непростой семье и беспокойных отношениях с папой. Казалось, она была рада моей поддержке, и после всех этих лет я могу сделать вывод, что она просто пользовалась моей привязанностью к ней. Она точно знала, как можно вызвать у меня сострадание и благодаря этому всегда могла рассчитывать, что я займу ее сторону. Так что когда вскрылась правда об убийствах, а она сказала, что ничего о них не знает, то я поверила ей. Во всей той неразберихе, в которой я оказалась, было кое-что хорошее, на что я могла опереться: я поддерживала свою маму.

– Слава богу, у меня есть ты, Мэй, – постоянно говорила

она мне, когда мы с ней жили во временном доме. – Не знаю, как бы я прошла через все это, если бы не ты!

Я и правда не могла представить, что она была вообще способна на подобные преступления. Особенно на убийство Хезер – ее первого ребенка, а мне известно, что во время беременности ею, больше двадцати лет назад, мамины родители пытались заставить ее сделать аборт. Она отказалась, она была абсолютно уверена, что этот ребенок должен появиться на свет. Мама часто рассказывала мне, что рождение Хезер подарило ей много радости и счастливой веры в жизнь. Так что мою преданность было невозможно поколебать, даже когда работники полиции пришли арестовать ее по подозрению в убийстве. Мне даже в голову не приходило сомневаться в маминых словах. Для меня было очевидным, что стоять на стороне мамы – это правильно. Стив тогда уже съехал из временного дома, чтобы начать жить со своей девушкой, так что когда маму забрали полицейские, с ней оставалась только я. Когда они вели ее к машине, мама была в ярости, она пихалась, вырывалась и кричала им: «Какого хера вы так обращаетесь со мной? Пустите меня, суки, идите на хер!»

Я хотела, чтобы она перестала так оскорблять их. Я понимала, что ее поведение никак не поможет делу. Но еще я знала, что такова ее природа: она ненавидела полицейских, как и вообще любую власть, причем с ранних лет. События, которые происходили с ней в детстве, навсегда научили ее не доверять никому, кто наделен властью.

Полицейские затолкали маму в машину, и один из них сказал мне, что я должна покинуть временный дом. У меня душа ушла в пятки.

– Покинуть? Когда?

Полицейский осмотрел те единственные четыре стены, где я чувствовала себя хоть как-то в безопасности, и ответил:

– У вас есть время до конца дня, но не больше.

Сначала я не могла найти слов. Но почти тут же попыталась возразить:

– Куда же мне идти?

– Точно не на Кромвель-стрит. Мы там разобрали все по частям. К тому же это место преступления.

– Ну и что же мне делать?

– Прошу прощения, милочка, не могу вам с этим помочь. Боюсь, мы за вас уже не отвечаем.

Меня это поразило. Я не могла понять, что же в тот день, по мнению полиции, изменилось настолько, что меня можно было перестать охранять от внимания прессы. Впоследствии, когда полицейские признались нам, что дом прослушивался, я догадалась, в чем дело, – все это было им нужно только лишь для того, чтобы получить желаемое. Для них я была просто тем человеком, перед кем мама станет откровенничать, и это попадет на пленку. Теперь дело было сделано, и я была им больше не нужна.

Работник полиции, с которым я говорила, направился к машине, и я увидела, как та увозит маму прочь. Сейчас мне

так странно осознавать, что это был самый последний раз, когда я видела ее в «обычном» мире, а не за решеткой и в тюрьме. Но на тот момент меня заботило лишь одно: мне было некуда идти. Меня начала одолевать паника, настолько, что стало тошно. Формально у меня был дом в Глостере, но я уже пару лет как сдавала его в аренду, когда вернулась домой – мои младшие братья и сестры были изъяты из семьи – снова, чтобы поддерживать маму. К тому же мне сказали, что журналисты расположились рядом с тем домом и пытались меня найти.

Какие еще были варианты? Я считала, что у меня нет друзей или родных, которые заступились бы за меня в подобной ситуации; я и так уже чувствовала, что будто опорочена страшными поступками своих родителей. Поэтому я обратилась в полицию, чтобы выйти на связь со Стивом. Он со своей девушкой жил в доме у ее матери и спросил, согласится ли она приютить и меня тоже. Она разрешила мне остаться на одну ночь и поспать на диване, но четко дала понять, что не хочет видеть меня в своем доме хоть сколько-нибудь дольше.

На следующий день я села со Стивом на травянистой полянке у этого дома и попыталась придумать, что же делать. В том же месяце мне пришлось уволиться с работы, сразу же после ареста отца, ведь я переехала во временный дом подальше от внимания журналистов. Так что у меня не осталось ни доходов, ни сбережений. Я не могла даже предста-

вить себе место, где и скроюсь от прессы, и одновременно буду нормально жить. Тогда Стив сказал мне, что сотрудники журнала *News of the World*, – с которыми он подписал контракт на историю о нашей семье, чем вызвал у мамы ярость, – хотят, чтобы книгу написали мы с ним вдвоем. Я была решительно против этого, но он сказал, что без меня не удастся выпустить книгу; что для нас это и шанс изложить свою версию истории и защититься от внимания остальных журналистов; что теперь я вряд ли смогу найти работу, и это единственная возможность для меня заработать на жизнь. Мне был двадцать один год, я была наивна, поэтому согласилась.

Все это было где-то за гранью реального. Я сама переехала в новое место, навещала маму, поддерживала ее морально, даже стирала ее вещи, а еще ко мне по-прежнему приходили полицейские, которые наверняка считали, что я могу подкинуть им – случайно или специально – улику, которая позволит им предъявить обвинение маме. Так месяцами я просто выживала день за днем. Затем, откуда ни возьмись, пока длилось бесконечное ожидание суда над моими родителями, ко мне пришли известия о том, что мой папа совершил самоубийство, находясь под следствием. Не могу сказать, что я сильно скорбела, однако он ведь был моим папой и занимал огромную часть моей жизни. Так что для меня это стало сильным ударом. Все происходящее все дальше и дальше ускользало у меня из рук, казалось, что хуже, чем сейчас,

быть уже просто не может. Я ловила себя на мысли о том, что страстно мечтаю наконец проснуться и обнаружить, что все это было лишь дурным сном. Я онемела от отчаяния.

Какое-то время мне казалось, что в этом состоянии ума я застряну навсегда, так никогда и не смогу со всем этим разобраться. Невозможно было даже подумать, что меня ждет какое-либо другое будущее, не говоря уже о какой-то достойной жизни. Однако шло время, события сменяли друг друга, мне нужно было справиться с ними по мере сил и надеяться, что когда-нибудь я смогу устроить свою жизнь.

С тех пор прошло уже больше двадцати лет, и в этой книге я попытаюсь рассказать то, о чем не могла говорить тогда из-за всех тех страданий, которые испытывала. К тому же я еще не способна была понять всего и к тому же не представляла, как те события повлияют на всю мою будущую жизнь.

В центре событий для меня находятся мои менявшиеся отношения с мамой. Самый сложный шаг для меня – у меня ушли годы, чтобы признать в этом самой себе, не говоря уже о том, чтобы рассказать остальным, – заключался не в том, чтобы примириться с осознанием того, что мама не любила и не защищала никого из своих детей, особенно когда мы были маленькими и больше, чем когда-либо, нуждались в ее защите. Думаю, я всегда понимала это где-то в глубине души, хотя даже сейчас я цепляюсь за надежду на то, что я ошибалась. Нет. Самый сложный шаг был в том, чтобы принять – несмотря на свои бесчисленные отрицания вины, что

она и правда на самом деле имела отношение к тем преступлениям, за которые была осуждена.

Кто-то задается вопросом, как вообще можно уложить в голове все происходившее. Преступления, совершенные моими родителями, далеки от всякого понимания и считаются одними из самых ужасных и отвратительных в истории криминала. С ними могли бы сравниться лишь деяния Иэна Брэйди и Майры Хиндли, да еще «Йоркширского потрошителя» Питера Сатклиффа и отдельно Гарольда Шипмана. Журналисты публиковали в газетах километры статей о них, писатели выпускали книги, криминологи и психологи изучали их. Вполне понятно, что широкую общественность эти истории одновременно и отталкивали, и впечатляли. Даже людям, у которых есть преимущество в том, что их эта история не коснулась лично, довольно непросто понять, как же это могло случиться. Мне, а также моим братьям и сестрам нужно было прожить довольно много лет, прежде чем у нас появилось чувство отстраненности от тех событий. Со дня своего рождения каждый из нас непроизвольно становился их участником.

Однако у меня есть ощущение: что-то из этой истории можно правильно понять, только если видеть ее изнутри. Для нас Фред и Роуз Уэст были самыми настоящими людьми, дом 25 на Кромвель-стрит в Глостере был нашим самым *настоящим* домом, а не «Домом ужасов», как его прозвали в прессе и стали воспринимать потом многие. Ко-

нечно, мы лицом к лицу сталкивались с ужасными вещами, виной которым были родители, – от эмоционального до физического и сексуального насилия, – но никто из нас не знал, на что родители способны, вплоть до того момента, когда об этом узнал весь мир.

Даже несмотря на то что события у нас дома мало кто бы смог назвать «нормальными», в нашей жизни было все то, что есть у других семей, – и это с трудом укладывается у людей в голове. Мы тоже занимались самыми обычными делами. Мы ели и смотрели вместе телевизор, праздновали дни рождения и Рождество, устраивали домашние праздники. Да, в нашей жизни было насилие, страдания, жестокость и горе, но это не происходило постоянно, и это точно не все, что происходило в нашей жизни.

В доме было место и смеху, и нежности, и любви. Для кого-то это покажется невероятным, но это так. Я не говорю об отношениях между родителями, хотя иногда они смеялись и подшучивали друг над другом, и к тому же изредка проявляли нечто вроде настоящей привязанности к нам, детям. Но между мной, моими братьями и сестрами семейные узы были крепкими. Мы играли и веселились, ссорились и мирились, как все дети в любой нормальной семье. Это может кого-то удивить, но наша семья много значила для нас – как для любого ребенка, – и главным местом в нашей жизни был наш дом.

Позже, когда были найдены останки жертв и наш дом

стали называть «Домом ужасов», для нас, очевидно, стало невозможным воспринимать дом так же, как прежде. Но даже сейчас, когда дом по адресу Кромвель-стрит, 25, давным-давно снесен, и я не могу представлять его отдельно от тех кошмаров, что в нем творились, в моих мыслях он по-прежнему остается моим домом. Да, он связан со страшными воспоминаниями и образами, но все равно это мой дом. Моя способность так думать и связывать весь этот опыт воедино выглядит нелогичной, но это чистая правда.

Когда полицейские наконец приехали во временный дом арестовывать маму, нам с ней дали провести немного времени вместе и собрать какие-то ее вещи, прежде чем увести.

– Мэй, мое обручальное кольцо! – шепнула она. – Оно лежит в кармане моего пальто в гардеробе. Сохрани его, хорошо? Я не возьму его в полицию, эти чертовы идиоты его сразу же потеряют.

Я смутилась и нахмурилась.

– Но, когда арестовали его, ты сказала, что никогда больше не наденешь это кольцо!

Ее глаза вспыхнули.

– Мэй, черт возьми, сделай, что я сказала! Сохрани его!

Я не осмелилась еще раз возразить ей. Не спросила, почему кольцо так важно для нее, раз она уже поклялась никогда не надевать его. Но было ясно, что, несмотря на положение, в котором она оказалась, и на гнев, который она испытывала к папе, кольцо что-то значило для нее. И оно все еще оста-

валось важной для нее вещью, из этого я могла лишь догадываться, что и брак тоже для нее важен.

Когда ее увезли, я собрала кое-какие свои вещи и осмотрела пальто. Во внутреннем кармане, застегнутом на молнию, лежало кольцо. Я все еще храню его. Оно всегда напоминает мне, что как бы тяжело они ни ругались, брак между мамой и папой не переставал быть для них важным до самого конца, что их отношения были настоящими, не придуманными, и что благодаря их отношениям, какими бы они ни были для меня, я появилась на свет.

От этого факта я никогда не смогу отвернуться, хотя он причинил мне столько боли и тревог. Прошло много времени, и я хочу попытаться понять своих родителей, а также то, что произошло в моей жизни. Пойти другим путем – то есть попытаться жить, как если бы ничего из этого не случилось, – было бы невозможно и даже могло бы свести меня с ума.

Но попытка понять рождает вопросы. Очень много вопросов.

Почему мой папа совершил эти убийства? Как он мог некоторые из них совершить в том же самом доме, где росли его дети? Как он вообще решился, даже будучи очень плохим человеком, убить своего собственного ребенка? Как много мама знала о его преступлениях? Насколько глубоко она была замешана в них? Как она могла творить такую жестокость и вместе с этим – более или менее – проявлять настолько сильный материнский инстинкт по отношению к

нам, ее детям?

На эти вопросы могли бы наиболее полно ответить лишь два человека: мама и папа. Но отец покончил с собой. Он так и не предстал перед судом, не ответил за свои действия и этим поступком не позволил мне, семьям и родным этих несчастных девушек хоть насколько-то лучше понять произошедшее. Большинство этих преступлений были раскрыты, но следователи подозревали, что могли быть и другие убийства, в которых он не сознался, а тайну о том, правда это или нет, он забрал с собой в могилу.

Однако моя мама все еще жива. Она выступала перед судом. Но суд над ней был больше сосредоточен на том, чтобы доказать ее вину, выяснить, что именно случилось, а не на том, чтобы понять почему. На скамье подсудимых она прежде всего стремилась не рассказать правду, а оправдаться по пунктам обвинения – для этого она находила отговорки, все отрицала и пыталась убедить суд, что вся вина целиком лежала на папе.

Много лет, после того как моя мама была осуждена, я годами – позже я объясню, почему – поддерживала с ней тесную связь: писала ей письма, говорила по телефону, регулярно навещала ее в тюрьме, эмоционально поддерживала ее. И все эти годы она по-прежнему не говорила мне правду.

Ее письма из тюрьмы стали важной частью моей жизни. В одних она давала советы, в других описывала свою жизнь за решеткой, во многих отправляла списки с одеждой и дру-

гими вещами, которые она просила меня купить и передать ей. Часто письма содержали одновременно и то, и другое, и третье. Иногда ее письма были полны оправданий и жалости к себе, иногда были многословными, пересказывали шутки и тюремные слухи. Когда я поднимала очередное письмо со своего придверного коврика, сердце мое колотилось, я не знала, чего ожидать. Я лишь понимала, что каждое такое письмо восстанавливает мою связь с ней, и я не смогу просто прочесть и выбросить его, потому что это будет похоже на предательство. Так что с годами они копились – это были и плоды моих взаимоотношений с мамой, сидящей в тюрьме, и одновременно тяжкий груз.

Несмотря на то что она так и не помогла мне по-настоящему, не дала честных ответов, я продолжаю искать эту правду о своей матери. Она моя мама, и чувство доверия к ней заложено во мне с рождения, поэтому примириться с тем, что я не могу ей доверять, было настолько больно, что я не могу передать эту боль словами. Моя книга – отчасти отчет об этих поисках, отчасти полное страданий путешествие к осознанию того, что она лгала мне раз за разом, снова и снова.

У меня есть и еще одна причина для работы над этой книгой. Я хочу описать свой опыт – и опыт своих братьев и сестер – биологической и эмоциональной связи с двумя людьми, которых в обществе считают злыми, жившими в тени своих злодеяний. Никто из нас не выбирает себе родителей. Бессмысленно желать избавления от тех родственников

связей, которые есть у меня в жизни. Я не смогу отменить то, что уже было сделано. Я не смогу убежать от прошлого и не стану этого делать. Я, а также мои братья и сестры вынуждены были принять эти факты, научиться жить с ними каждый день, и мы до сих пор так живем.

Я никогда не хотела, чтобы ко мне относились как к жертве, так же, как и к убитым (одной из которых была моя сестра Хезер). Ничто не может сравниться с их страданиями и с тем, как жестоко их лишили жизни, с тем, какой ужас пережили их семьи и родные люди. И все же для всех детей из семьи убийц последствия тех событий были чудовищными. Наша семья была расколота, наша вера почти во все и всех была уничтожена. Мы не знали об этих преступлениях и не отвечали за них, но мы все еще чувствуем вину и стыд за то, что связаны с ними, — и клеймо, которое досталось нам в наследство, грозит преследовать нас до конца жизни.

Однако нам всем нужно изо всех сил стараться в жизни. После того как преступления моих родителей были раскрыты, в моей жизни возникло огромное количество трудностей. Но постепенно, ошибаясь и оступаясь, я пыталась идти вперед и строить новую жизнь для себя и для тех, кого люблю. Я хочу описать кое-что, произошедшее со мной на этом пути, и показать, что каким бы тяжелым ни было прошлое, оно не подчиняет себе всю нашу жизнь. То, что ждет каждого из нас в будущем, достойно того, чтобы к этому идти. Я хочу, чтобы люди узнали: хотя на жизненном пути мне

встречались тьма и зло, тем не менее я видела в ней и свет и любовь. Я отнюдь не стремлюсь записать это себе в заслуги, не считаю себя сильной, смелой, мудрой и уверенной в себе, но все-таки я справилась, добилась достойной для себя жизни и будущего, о котором мечтала, – и за это я чувствую огромную благодарность к миру.

Чтобы рассказать свою историю, мне нужно рассказать и историю своих родителей. Чтобы понять мое прошлое, нужно понять и их прошлое тоже. Кто-то считает этих людей просто-напросто чудовищами. Даже моя мама с годами, после работы с психологами и бесед со знакомыми участливыми людьми, высказывала точно такое же мнение о моем отце.

Но для меня, вне зависимости от его и ее преступлений, это не так. Я, как и мои братья и сестры, отношусь к ним как к людям. Идея отделить их от остального человечества кажется мне нечестной и вредной. Чтобы понять, чем их жизнь отличалась от нормальной, нужно определить, что нормального (или человеческого) все-таки было в их жизни, иначе нельзя будет сделать никакого вывода. Я никогда не была особо верующей христианкой, но я знаю, чему учит Библия: все мы, даже худшие представители человечества, созданы по образу и подобию Бога. Если люди продолжают поступать плохо, представлять их существами с другой планеты никак не поможет делу. Помимо всего прочего это освобождает таких людей от ответственности за свои действия.

Как и большинство людей, я узнавала о прошлом своих

родителей постепенно, пока росла, а затем уже во взрослом возрасте. История их жизни открывалась мне по кусочкам, которые я медленно, годами складывала в некое подобие полной картины. Что-то мне рассказали они сами, что-то я узнала от других родственников. Кое-что о своем отце я обнаруживала во время семейных визитов в Мач-Маркл – это деревня в Херефордшире, где он вырос, примерно в двадцати милях от Глостера. Другие фрагменты у меня появлялись во время общения с братьями и сестрами или позже от полицейских, социальных работников, журналистов и из других источников.

В каком-то смысле восстановить прошлое мамы оказалось еще сложнее. У папы были свои секреты, но иногда он довольно открыто рассказывал о своем детстве и юности, в том числе лихие, порой странные и мрачные истории о взрослении в доме на ферме. Мама родом из более дальних мест – из Девона, – и я никогда не видела мест, где она росла, не особо общалась с ее родственниками. Став подростком, я ощутила, что ее прошлое хранило свои секреты, и они отличались от папиных. В них скрывалась какая-то тень боли и травмы. Мама хотела скрыть это, чтобы не показывать свою уязвимость. И хотя ничто ее не оправдывает – но именно это делали разные люди, в том числе криминологи и психологи, – но чтобы понять ее, мне требовалось понять, что скрывается в этой тени.

К тому же в попытке понять моих маму и папу никогда

нельзя смотреть на их жизни по отдельности. Сами по себе они были необычными и в каком-то смысле пугающими людьми, но в роли пары, запертой в странных тесных отношениях, они как будто превратились в нечто иное. Брак для них сработал, будто ключ к некоторым их внутренним замкам и запретам, отчего они стали совсем другими. Фредом и Роуз. И несмотря на всю горечь и взаимные упреки – они любили друг друга до конца, по крайней мере, если не мама, то папа точно. В его предсмертной записке были слова:

«Мы всегда будем любить друг друга. Самое прекрасное, что было у меня в жизни, это встреча с тобой... Наша любовь ценна для нас. Поэтому, любимая, храни свои обещания, которые дала мне. Ты знаешь, о чем я... Когда ты будешь готова, отправляйся ко мне. Я буду ждать тебя...»

Глава 2

Первые годы

Еще одно письмо из Дарема. Мама снова размышляет о папе, и я думаю, что она любит демонстративно ругать его передо мной. Когда я читаю ее рукописные строки, мне сложно поверить, что она не была одной из папиных жертв. Или все-таки была? Она говорит, что жила в страхе перед ним, и он полностью во всем ее контролировал. Она пишет, что просила о помощи, молила о ней, но он с каждым днем становился все сильнее. Он растоптал ее надежду и устраивал ей наказания... Это правда?

Королевская даремская тюрьма

Я практически выживала – меня постоянно пытали и насиловали морально, сексуально и физически. Я жила от одного такого случая к другому, боясь даже подумать, что может случиться в следующие полчаса!..

Мой отец был лжецом, хотя часто он говорил и много правды. И хотя мама была более честной и открытой, чем он, она тоже часто сообщала нам именно ту версию событий, которую хотела до нас донести. Поэтому поиск сведений о ее отношениях до моего рождения и в моем раннем детстве

заял очень много времени. В каком-то смысле он не заканчивается. Как будто отделяешь слой за слоем луковицы, так же и я отделяла каждый отдельный факт от выдуманной шелухи. Но к тому моменту, как я достигла подросткового возраста, у меня все-таки сложилась некая картина, хотя оставалось еще так много всего неизвестного, в том числе самого ужасного и безобразного.

Я должна была родиться в конце мая 1972 года, но опаздывала на несколько недель и в конце концов появилась на свет 1 июня в Королевской больнице Глостера. Мама планировала назвать меня Мэй в честь месяца мая, но я родилась в июне, и она дала мне среднее имя с учетом этого. Поэтому меня называли Мэй Джун Уэст (May June West).

Я думаю, она посчитала это забавным, но я никогда не видела в этом ничего смешного, и за это имя меня дразнили в школе, настолько сильно, что в пятнадцать лет я приняла решение изменить написание своего имени. Я прочитала об актрисе Мэй Уэст и подумала, что ее имя пишется интереснее, чем мое, так что одновременно избавилась и от среднего имени Джун, в результате став Мэй Уэст (Mae West).

У мамы я была вторым ребенком и самым крупным из всех ее новорожденных детей, но во время родов со мной у нее не было проблем – она говорила нам, что все ее дети рождались очень легко. Часто она говорила, что могла бы рожать просто стоя. А вот в эмоциональном плане, по ее словам, было совсем не так. Она говорила мне, что страдала от

депрессии на последних месяцах беременности мной, а папа не проявлял к ней никакого сочувствия.

В больнице ей было паршиво. Она лежала там несколько дней, и родные, разочарованные ее отношениями с папой, ни разу не навестили ее. Сам папа настолько мало интересовался моим появлением на свет, что даже не появлялся в больнице, не говоря уже о присутствии на родах. Когда маме наконец разрешили вернуться домой, папа не стал затруднять себя тем, чтобы забрать ее на своем фургоне. У мамы не было другого выбора, как взять меня и все вещи для малышей в руки, вынести из больницы и сесть на автобус до дома.

Позже, когда рождались мои младшие братья и сестры, папа больше интересовался этим, навещал их в больнице и забирал их вместе с мамой, когда они были готовы отправиться домой. Сложно сказать, почему я была обделена папиным вниманием, но возможно, дело в том, что у него тогда уже появились две дочери, а он надеялся, что следующим родится мальчик. Мое рождение было разочарованием для него, а вот следующим ребенком как раз стал мальчик – мой брат Стивен, – и с ним у папы сложились гораздо более близкие отношения, хотя и очень сложные.

Мама, в отличие от папы, была рада мне, несмотря на свою депрессию. Она всегда говорила, что ей все равно, какого пола рождались дети. Она просто любила малышей. Когда они вырастали из младенческого возраста – начинали проявлять независимость и характер, – ситуация менялась,

мама быстро теряла с ними терпение. Но когда они были крошечными, послушными и беззащитными, она чувствовала себя абсолютно в своей стихии.

Я могу только догадываться, какие материнские чувства она проявляла ко мне в первые недели и месяцы моей жизни, но я думаю, что она заботилась обо мне больше, чем заботилась о моих новорожденных братьях и сестрах при мне. Она клала меня в неказистую деревянную колыбельку с балдахинном, которую папа смастерил для Хезер. Я полагаю, она была довольно внимательной матерью в те первые несколько месяцев, брала меня на руки и укачивала, когда я плакала. Меня кормили чаще из бутылочки, чем грудью, потому что маме нужно было как можно скорее возвращаться к работе. Много лет я не знала, в чем именно заключалась эта ее работа.

В то время мы жили не на Кромвель-стрит, а в съемной квартире на первом этаже по адресу Мидленд-роуд, 25. Это была одна из неухоженных улиц в Глостере, застроенных жилыми ветхими домами, где размещались квартиры и коммуналки. Там мама с папой растили уже двух детей: Энн-Мари, папину дочь от первого брака с Реной Костелло, и Хезер, первую дочь мамы с папой, которая родилась за год до меня. Квартиру никто бы не назвал роскошной – там было холодно, влажно, ей давно требовался ремонт, – но все равно это были лучшие условия после тесной коммуналки в Челтнеме и полуразрушенного дома-фургона в глостерширской дерев-

не, где они жили раньше.

Время от времени, пока я росла, и мама, и папа рассказывали мне, как они начали встречаться и как жили до моего рождения. Две их версии этой истории в моей голове смешались и превратились в одну – хотя выяснилось, что им обоим было далеко до полной правдивой картины.

Когда папа встретил маму, она работала официанткой кафетерия в Челтнеме. Это был 1969 год, маме было пятнадцать лет, ему – двадцать восемь, он работал водителем в пекарне, которая доставляла продукцию в кафетерий. Она едва заметила его, но ему приглянулось что-то в ее внешности и манерах.

Однажды ночью вскоре после этого она ждала автобус до дома, и тут он подошел к ней и завел разговор. Сначала она не знала, как воспринимать этого кудрявого небрежного мужчину, но он проявлял чувство юмора и своеобразную обаятельность, а также прямо заявил, что она ему понравилась. Ей это польстило – она вообще любила внимание мужчин старше ее. Он спросил, куда она едет, и она ответила:

– Бишопс-Клив.

– Так я там живу! – сказал он. – Мы можем сесть на один автобус.

Поначалу их отношения не представляли собой ничего необычного. Папа добивался внимания, мама им интересовалась, но осторожничала и притворялась недотрогой. Папа настаивал и был уверен, что добьется своей цели.

Наверное, это может показаться странным, но он вполне мог быть невероятно обаятельным. Это умение он применял по отношению ко многим людям – в том числе к девушкам, которых он убалтывал и соблазнял по юности в Ледбери, маленьком херефордширском городке рядом с деревней Мач-Маркл, где вырос. Даже к полицейским, когда они арестовали его и начали раскапывать сад дома 25 на Кромвель-стрит. Расшифровки всех этих многочасовых допросов со всеми описаниями ужасов были щедро приправлены шутками, которые он рассказывал следователям, задававшим вопросы. Он мог рассмешить почти кого угодно. Есть фотография, на которой его уводят из зала мирового суда, где ему предъявили обвинение в одиннадцати убийствах, и он там широко улыбается, как будто перешучивается с сопровождающими его полицейскими.

Мама сказала, что он пустил в ход свое мощное обаяние уже во время той первой автобусной поездки. Он рассказывал ей всевозможные истории – частью правдивые, частью полностью выдуманные, но все они веселили ее. Они вместе смеялись, особенно когда выяснилось, что их матерей звали Дейзи. Но мама не поддавалась так просто. Она подумала, что он какой-то чудаки, и ей не понравился его неряшливый вид. «Он был будто чертов бродяга», – говорила она.

Прошло немного времени, и он пригласил ее на свидание. Приглашение было организовано, как и следовало ожидать, экстравагантно. Однажды в кафетерий зашла женщина. Ма-

ма совершенно не знала ее, но у той был подарок для мамы – пластмассовое ожерелье или другое дешевое украшение, которые папа с годами потом часто ей дарил. Мама приняла подарок и оказалась заинтригована. Вскоре в кафетерий зашел папа и крикнул ей: «*The Swallow* – восемь часов!» Он ухмыльнулся и вышел прежде, чем мама смогла бы ему ответить.

Несмотря на сомнения, мама решила пойти в *The Swallow* – паб в Бишопс-Клив – и встретиться с ним хотя бы для того, чтобы вернуть ему подарок. Они сели поговорить и выпить, хотя папа вообще едва прикоснулся к алкоголю, и он рассказал ей побольше о себе и своей жизни.

Он говорил, что один воспитывает детей, а жена Рена ушла от него, оставив ему двоих маленьких девочек. У него вряд ли бы получилось скрывать историю с Реной, потому что ее имя было вытатуировано у него на руке, но он никогда и не стремился держать свои отношения в секрете – ни от мамы на первом свидании, ни с нами, его детьми, позже, когда он рассказывал нам о ранних годах своей жизни.

Он сказал, что Рена вернулась в Глазго, откуда она родом, и они не общаются. Мама почувствовала жалость к нему. Она сама еще оставалась девочкой позднего подросткового возраста, однако, по ее словам, рассказы папы о двух дочерях – шестилетней Шармейн и пятилетней Энн-Мари – вызвали у нее материнские чувства. У нее самой были младшие братья, и она относилась к ним похожим образом, а почему это

было так, я догадалась гораздо позже, чем узнала этот факт.

Папа воспользовался маминой симпатией к отцу-одиноким и ее интересом к дочерям как своего рода наживкой. Как только она попала на этот крючок, его обаяние стало действовать куда эффективнее. Он мог рассмешить ее в любой момент – и он уже догадался, что в ее жизни прежде было не так-то много смеха. В свою очередь, мама почувствовала, что он выглядит как бунтарь и плохой парень, а в глазах своей семьи она сама выглядела сумасбродной и непослушной – ей казалось, что они одного поля ягоды. Она стала навещать папу в его обшарпанном фургоне на берегу озера. Она всегда говорила мне, что ей очень понравились Шармейн и Энн-Мари сразу, как она их увидела, а папин образ жизни на задворках уважаемого общества ее притягивал. Он включал ей записи, например, своего любимого Чарли Прайда – это популярный чернокожий кантри-певец из Америки. И хотя ни мама, ни папа не рассказывали об этом откровенно, но я никогда не сомневалась в том, что их отношения обрели взрослый плотский характер практически сразу, хотя ей было только пятнадцать, а он был более чем на десять лет ее старше.

Уже в начале их отношений мама выяснила, что в папином фургоне бывали и другие девушки. Когда я спросила ее, как она узнала об этом, то она ответила, что порой находила чье-то нижнее белье под кроватью, и это приводило ее в ярость. Она набрасывалась на папу, и он заявлял, что девуш-

ки всего лишь смотрели за детьми, однако мама не верила ему – с чего им тогда оставлять там трусы? Раз они теперь встречались, то она ясно давала понять, что не станет делить его с другой женщиной. Конечно, она знала о Рене, но также знала и о том, что та жила за сотни миль от них, в Шотландии, и папа больше с ней не общался.

Фургон стал для нее вторым домом. Мама всегда создавала семейный уют, вскоре она отмыла и привела их жилище в порядок и начала пропускать работу в кафетерии, став сиделкой для девочек на полставки. Папа был ей очарован. Для мамы это было долгожданное бегство от тяжелой атмосферы своего дома. Ее отец, Билл Леттс, был электриком из Девона. Он служил на флоте, был разжалован и после долгого периода безработицы был вынужден переехать с семьей в центр страны. Там он занимался разным неквалифицированным трудом, но считал себя выше этого, а затем устроился в компанию «Смитс Аэроспейс» в Бишопс-Клив. Мама описывала его низкорослым, желчным и злым человеком – позже я узнала, что ему диагностировали шизофрению, – который часто был жесток со своей женой Дейзи, с мамой, и ее шестью братьями и сестрами.

Дейзи, мамина мать, по всей видимости, была нервной женщиной, которая – неудивительно, учитывая, за кого она вышла замуж, – была измотана тяжестью ухода за стольким количеством детей, терпела жестокий характер Билла и часто страдала от депрессии. В браке она не раз уходила от

него, хотя всегда в конце концов возвращалась.

Папа очень хотел познакомиться с Биллом и Дейзи, так что мама согласилась однажды привести его в гости. Это обернулось катастрофой. Он наврал о том, что владеет кучей всего, заявил, что управляет парком фургонов мороженого, но, как говорит мама, ее родители сразу же раскусили его обман. Они решили, что он ужасный человек, даже думать не хотели о том, чтобы их пятнадцатилетняя дочь встречалась с ним, и выпроводили его.

Они заставили дочь написать ему письмо о том, что отношениям конец. С неохотой она сделала это, сказав в письме: «Возвращайся к своей жене и сохрани свой брак». Папа проигнорировал письмо. Ему не впервой было получать критику от порядочных людей, и он знал, что мамины чувства к нему не могли измениться только потому, что ее родители не приняли его. И он был прав. Она тайно продолжила встречаться с ним. Билл пожаловался в социальные службы на ее своевольное и распушенное поведение, а в те годы этого могло быть достаточно, чтобы ее забрали на воспитание в учреждение для трудных подростков. Но как только ей исполнилось шестнадцать, она сбежала, чтобы снова быть с папой, и вскоре после этого забеременела. Ее родители узнали об этом и поставили ей ультиматум – либо она бросает папу и делает аборт, либо они навсегда отрекаются от нее. Она отказалась принять их сторону и стала жить с ним в съемной квартире на Мидленд-роуд, принадлежавшей человеку, у которого

папа подрабатывал.

Мама порвала все связи с родителями, и у нее не оставалось другого выбора, кроме как наладить жизнь с папой. Однако это было нелегко. Денег у них было не очень много. Папа наскребал на жизнь работой шиномонтажника и разными подработками, дополняя свой доход мелким воровством. У них уже было двое детей – Шармейн и Энн-Мари, – не говоря о том, что на подходе был третий ребенок. На маму свалилась большая ответственность, а она, можно сказать, сама еще была ребенком. Рассказывая об этом, она, не скрывая, признавалась, как ей было тяжело в тот период.

– Я и понятия не имела, во что ввязываюсь, – говорила она.

– В каком смысле? – спрашивала я.

– Это было хуже, чем ты можешь себе представить, Мэй. Намного хуже.

– Почему?

Она начинала злиться и отказывалась дальше говорить.

И мама и папа старались рассказывать о том периоде жизни уклончиво, если им задавали много вопросов на эту тему. Время от времени они упоминали ее, но у меня всегда было чувство, что образ, который они нам рисовали, был лишь вершиной айсберга, а под ним было нечто намного больше и мрачнее.

Затем родилась Хезер. Хотя мама никогда так не говорила, это наверняка стало для нее судьбоносным событием. Не

только потому, что родители мамы оказывали на нее огромное давление, заставляя сделать аборт. Дело в том, что ей самой было лишь шестнадцать лет, и при этом она училась быть матерью первенца, когда не могла ни у кого попросить совета и поддержки. Я могу только догадываться о том, каково ей приходилось, но это, без всяких сомнений, было настоящим испытанием для нее. С ней был папа, но от него мама не получала никакой помощи в уходе за младенцами, и к тому же он постоянно пытался раздобыть денег так, как мог – подрабатывал и занимался чем придется, – поэтому едва появлялся дома. Когда они привезли Хезер в квартиру, маме самой пришлось справляться не только с ее собственной дочерью, но и одновременно с двумя другими девочками.

Положение дел быстро ухудшалось. Папу поймали на краже шин с работы. Он не только потерял свою работу – так как это было уже не первое его преступление, он угодил в тюрьму. В результате мама оказалась единственным родителем для всех детей.

Мама и папа никогда не рассказывали о том времени, когда папа сидел в тюрьме, за исключением одной истории. Однажды в квартире откуда ни возьмись появилась Рена и увезла Шармейн с собой.

– Нам крупно повезло, – говорил нам папа. – Вашей маме и так хватало забот с Энн-Мари и Хезер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.